Ник. Смирнов-Сокольский. "Только не воспоминания"

Владимир Владимирович Маяковский

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Владимирович Маяковский
  - Ник. Смирнов-Сокольский
  - Ненавижу всяческую мертвечину -
  - Я знаю: жребий мой измерен, Но, чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я"17
  - Примечания

Владимир Владимирович Маяковский

Ник. Смирнов-Сокольский. "Только не воспоминания"

Ник. Смирнов-Сокольский

"Только не воспоминания"

Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Издание пятое

М., "Книга", 1983

OCR Бычков М. Н.

Так называется одна из статей В. В. Маяковского, написанная им для юбилейного номера "Лефа", посвященного десятилетию Великой Октябрьской революции14.

В этой статье он писал, что всякие "вечера воспоминаний" ему "не по душе", что вместо этих "вечеров" он предпочел бы объявить: или "утро предположений", или "полдень оповещений", но… и далее сам не обошелся без воспоминаний.

Без воспоминаний трудно, очевидно, обойтись вообще, а в особенности когда они касаются такой громадины, как Маяковский. О нем всякая, даже самая маленькая подробность не может показаться ненужной.

Я встречался с Владимиром Владимировичем множество раз: и выступая в тех же "торжественных" концертах, в которых выступал и он, и бывая у общих знакомых, и, наконец, просто за биллиардом, в актерском клубе.

Никакой особой близостью к нему я похвастаться не смею, но относился он ко мне весьма дружелюбно. Для эстрадного фельетониста имя Маяковского тогда было неистощимой "злобой дня", и он, зная, что я частенько упоминаю его в своих выступлениях, не в пример многим другим, столь же знаменитым товарищам, не обращал на это ровно никакого внимания и лишь иногда, встречаясь где-нибудь, говорил:

– Питаетесь мной, как червь яблочком…

Осенью, то ли 1928, то ли 1929 года, мне, приехавшему на

гастроли в Ленинград, довелось жить с Маяковским в одной гостинице. Общий наш друг режиссер Давид Гутман, проживавший в то время тоже в Ленинграде, пригласил и его, и меня, и еще ряд товарищей в гости. Маяковский любил актеров, эстрадников, циркачей (клоуну Виталию Лазаренко он даже кое-что писал для репертуара) и пришел в эту компанию, по-видимому, не без удовольствия.

Из писателей кроме него были Л. В. Никулин, Виктор Ардов, Валентин Стенич и кто-то еще.

Мне в те дни посчастливилось, и я приобрел у одного старого библиографа его довольно значительную коллекцию альманахов и сборников XVIII и XIX столетий.

Альманахи и сборники я всегда собирал с особенной страстью. Для меня эта вновь приобретенная коллекция была уже не первой и отнюдь не последней. Я, что называется, "ершил" экземпляры, Добиваясь для своего собрания полноты и лучшего вида. Однако и в этом моем "заходе" были чудесные вещи: комплекты "Северных Цветов" Дельвига, "Невского альманаха" Аладьина, "Полярной звезды" Бестужева и Рылеева, "Мнемозины" Кюхельбекера и Одоевского, "Для немногих" Жуковского, все литературные сборники Некрасова, редчайшие альманахи поэтов-радищевцев, сожженная царской цензурой "Вятская незабудка" и множество других, тех самых, о которых когда-то Пушкин сказал, что они "сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движениях и успехах"15.

За столом разговор некоторое время вертелся вокруг этой моей находки.

Единомышленников по книжному собирательству не было, ни одного, и все "испытанные остряки", во главе с самим Владимиром Владимировичем, подтрунивали над моей "страстишкой", называли меня "старьевщиком", "шурум-бурумщиком" и так далее. Поэт громогласно процитировал самого себя:

Ненавижу всяческую мертвечину -

Обожаю всяческую жизнь!

Я отбивался, как мог. Зная неравнодушие Маяковского ко всякого рода автоматическим ручкам, я выдернул из кармана великолепное перо, подаренное мне ко дню рождения Демьяном Бедным, с выгравированной надписью: "Смирнову-Сокольскому – от Демьяна".

Маяковский впился в ручку и, явно завидуя, стал внимательно изучать ее механизм.

В то время перья эти были большой редкостью.

– Не завидуйте, Владимир Владимирович,- старался подтрунить и я,- со временем и вам такую же надпишут!

Последовали ядовитая пауза и ответ Маяковского.

– А мне кто ж надпишет-то?- Шекспир умер!16

Разошлись по домам. Мне с Маяковским было по дороге, но в пути он предупредил меня, что идет прямо ко мне.

– Зачем, Владимир Владимирович? Четвертый час ночи!

– А вот посмотрю, что за дрянь вы там накупили…

Зашли в номер. Альманахи и сборники были разложены у меня корешками вверх на огромном диване, на креслах, на полу.

Маяковский разделся, снял пиджак, выгрузив предварительно из карманов огромное количество папирос, и вплотную подсел к книгам.

– Не обращайте на меня внимания. Делайте свое дело!

Дела у меня не было никакого, и я вскоре просто уснул самым блаженным образом.

Утром, часов в одиннадцать, моим глазам представилась незабываемая картина. В комнате плавали облака табачного дыма. Порядок, в котором я уложил альманахи и сборники, был полностью нарушен. Видно было, что их перелистали все до единого, а сидящий в той же позе Маяковский, набросав в пепельницу гору окурков, что называется, "добивал" последние альманахи…

Удивленный до крайности, я подсел к Владимиру Владимировичу и в ту же минуту имел удовольствие убедиться, что его знаменитое "Ненавижу всяческую мертвечину" – к старой русской книге, к ее творцам и создателям никакого отношения не имеет.

Он не только уважал и любил старую книгу, но, что гораздо важнее, хорошо ее знал.

Об имеющихся у меня альманахах и сборниках, об участвовавших в них поэтах и писателях он рассказал мне больше, чем знали многие специалисты.

Так, он тут же указал мне на весьма любопытную подробность, что в ряде альманахов, изданных после восстания декабристов (например, "Жасмин и роза" 1830 года), стихи казненного Рылеева, несмотря на строжайший запрет цензуры даже упоминать это имя в печати, неуклонно продолжали появляться за его полной подписью. Царская цензура явно "прошляпила", и имя огненного декабриста продолжало напоминать о себе в некоторых из этих маленьких, очаровательных, с ладонь величиной книжках.

– А ведь многие из альманахов с именем Рылеева,- сказал Маяковский,- выходили после декабрьских событий на правах "сборников песен для народа". Стоило бы на досуге разобраться – случайность ли это?

Прощаясь, я шутливо спросил:

– А как же, Владимир Владимирович, ваши вчерашние "старьевщик", "шурум-бурумщик"?

Маяковский ответил:

– Да ведь я же думал, что у вас, чертей-библиофилов, книги-то не разрезанные!

Как известно, Маяковскому всю его жизнь пытались поставить на вид его якобы отрицательное отношение к прошлому русской литературы, пренебреженье к классикам.

Это была неправда, и поэтому Маяковский приходил в ярость. Еще в 1924 году, выступая на диспуте о задачах литературы и драматургии, он говорил: "Вот Анатолий Васильевич упрекает в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать "Евгения Онегина", которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

Я знаю: жребий мой измерен, Но, чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я"17

Именно таким я знал Маяковского. И когда любители воспоминаний приводят известный ответ Маяковского на анкету о Некрасове, с которой в 1919 году обращался к писателям Корней Чуковский, я не спорю, я просто знаю – в чем дело.

Напомню, что вопрос был такой: "Не было ли в вашей жизни периода, когда поэзия Некрасова была для вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова?"

Маяковский ответил: "Не сравнивал, по полному неинтересу к двум вышеупомянутым"18.

Для меня в этом ответе помимо всем знакомой склонности молодого Маяковского к эпатажу звучит не нелюбовь его к Пушкину и Лермонтову, а сохранившаяся у него до конца жизни ненависть ко всякого рода анкетам, в том числе, конечно, и к этой.

Примечания

14 Маяковский В. Полн. собр. соч., т. 12. М.: ГИХЛ, 1937, с. 191.

15 Пушкин А. С. Об альманахе "Северная Лира". – Собр. соч. в одном томе. М., ГИХЛ, 1949, с. 1296.

16 В свое время этот ответ Маяковского был широко известен. Напечатан в книге "Живой Маяковский". Вып. 3. М., 1930, с. 15.

17 Маяковский В. Полн. собр. соч., т. 12. М.: ГИХЛ, 1937 с 74

18 Там же, с. 24.

Год: 1983

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

09.01.2009